общество

Коммерсантъ-daily — 1997 — 9 авг. — с. 8

Иван Дыховичный: подарок Верховного Совета СССР отец продал грузину

ИВАН ДЫХОВИЧНЫЙ — известный кинорежиссер, родился и вырос в Москве. Он мало что помнит о сороковых годах, поскольку родился в 47-м. Но по словам его отца — Владимира Дыховичного, драматурга и автора очень популярных в сороковые годы песен «Ты одессит, Мишка», «Присядем, друзья, перед дальней дорогой», — жизнь сейчас этот период была достаточно непростой.

Отец был пижон. Все вокруг носили серые или коричневые костюмы, а он щеголял, скажем, в бежевом. Все объяснялось просто. В 1939 году отец очередной раз был направлен в армию. После так называемого взятия Львова командир выдал каждому офицеру деньги — неразрезанные листы бумаги. Пришлось срочно искать ножницы. Тут нужно сказать, что Львов в то время был настоящий западный, в смысле — польский, город. Это сказывалось и на ассортименте магазинов промышленных товаров.

Представляете себе лица продавщиц, на глазах у которых советские офицеры разрезали денежные простыни... В этот же день цены в магазинах города были резко занижены. Отец на эти разрезанные деньги накупил элегантные костюмы, в которых, собственно, и щеголял потом.

Хотя, в общем, элегантных вещей в то время было мало. Например, у моей мамы — Александры Синани, балерины театра имени Станиславского — было только одно, но элегантное платье, с широкой юбкой из тафты и черным узким верхом. Тогда ее больше волновала другая проблема: где найти пару новых балетных тапочек. Ее семья не бедствовала, но жили они очень трудно.

Отец участвовал в чудовищной финской войне. В 1941 году он офицером ушел на Отечественную войну, воевал на Северном фронте.

Естественно, после войны отец вернулся к своему довоенному делу — писал пьесы, сочинял стихи, выступал на эстраде.

Да, за песни, ставшие популярными во время войны, и за другие заслуги отцу всероссийский староста Калинин подарил трофейный автомобиль BMW — кабриолет вишневого цвета. Это дарение было оформлено вполне официально — указом Верховного Совета СССР. Особой радости по этому поводу в семье почему-то не наблюдалось. Отнеслись к подарку спокойно. К тому же кабриолет этот много ломался. Но никакие запчасти к нему в «подарочном наборе» не предусматривались.

В 47–49-х годах, когда началась борьба с космополитизмом и у нашей семьи начались финансовые проблемы — отец не получал гонораров, ему запрещали выступать,— трофейный кабриолет пришлось продать. Не помню, что это были за деньги. Но купил его у нас какой-то богатый грузин.

В 1946 году родители поженились. Это был второй брак отца. До этого он был женат на известной танцовщице. В общем, поселились они в квартире, принадлежавшей родителям отца. Его семья жила в Большом Харитоньевском переулке (в подвале этого дома сейчас находится театр Табакова) с 1921 года, когда Ленин разрешил московской профессуре построить кооператив. Дед-профессор, преподававший до революции в Московском университете геологическом факультете, купил четырехкомнатную квартиру в этом кооперативном доме. Мои родители заняли одну из комнат.

Мебель в нашем доме была старинная, красного дерева и из карельской березы — в стиле ампир и жакоб. Часть обстановки была подарена моей бабушке бежавшей из советской России балериной Кшесинской, которая была ее близкой подругой. Шторы — дореволюционные, цвета спелой вишни. На стенах зеленые обои. Эффектное сочетание.

Сегодня что-то из той обстановки, конечно, сохранилось, но в основном все вывезли другие родственники. Я-то вещизмом не страдаю...

В доме всегда было чисто. Пищали двери. Скрипели полы. Была большая библиотека, состоявшая из книг, собранных еще до революции, и картины Лансере, Рериха, Судейкина, Сапунова. Бюстов и портретов вождей в доме не держали.

В 1947 году мамы выгнали из театра. До этого ее вызвал к себе директор, сотрудничавший с органами. И предложил так же посотрудничать с ними. Под угрозой немедленного увольнения мама должна была преподавать танцы дочке американского посла. И, соответственно, сообщать органам кое-какую интересующую их информацию.

Мама, естественно, наотрез отказалась, мотивируя свой отказ беременностью и тем, что «морально к такому шагу не готова». И вообще, не достойна заниматься такими вещами. После этого разговора на нее пытались воздействовать иначе. Мама рассказывала: иногда, когда она выходила по своим делам на улицу, чувствовала, что за ней следит. Бывало, что рядом с ней останавливался автомобиль, и ей настойчиво рекомендовали присесть и поговорить... На нее, естественно, эти уговоры не действовали, хотя все это было более чем неприятно. В общем, ее уволили. Но в этом же самом году родился я. Поэтому маме было чем заняться.

Меня держали в строгости. Никаких книг на ночь мне не читали и спать не укладывали. Хотя я в детстве знал наизусть Хармса, Пушкина. Помню, что на меня колоссальное впечатление произвела одна книга — старинное издание русских народных сказок с иллюстрациями Билибина.

Отец не хотел, чтобы я рос барчуком, этаким писательским сыном. Он не играл со мной в сюсюканье. Он разговаривал со мной, когда это было ему интересно.

Родители зарабатывали на жизнь, трактуя и жили. Помогали стариками.

Отец дружил с Катаевым, Ласкиным, Симоновым, Пастернаком и Карпатовым. Они часто бывали в нашем доме. Засиживались допоздна. Мне иногда разрешалось сидеть за столом и слушать разговоры взрослых. Они очень любили друг друга разыгрывать, большим любителем розыгрышей был Богословский. Иногда устраивали читки своих новых пьес и стихов. На картежные игры в моей семье мамой был наложен негласный запрет. Потому как ее отец был азартным человеком и страшным картежником, хотя, вроде бы, никогда крупных сумм не проигрывал.

Когда у родителей были деньги, они любили посидеть в «Национале», «Метрополе», в ЦДРИ, в самом модном ресторане ВТО. Там в это время работал шефом некий господин, которого все называли Борода. Он, кстати, послужил прототипом Арчибальда Арчибальдовича для Булгакова и очень любил моих родителей. Мама очень хорошо готовила. Но кулинарные способности ее отца вызывали зависть даже у Бороды, который регулярно перепоясывал у моего деда старинные рецепты.

Записала НАТАЛЬЯ ГРИДНЕВА

ВЛАДИМИР ДЫХОВИЧНЫЙ

Александра Синани в сороковые имела одно платье

Владимир Дыховичный в подаренном Калининым BMW

Владимир Дашкевич: Москва 40-х воспитывала нас жестко, но очень многогранно

В Москве в 40-е годы, и особенно во время войны, тем, кто остался в городе, жилось значительно хуже, чем в провинции. Голод был более жестким, а страхи погибнуть под обломками собственного дома — невыносимый. Легче было детям. У них все-таки были радости: они как ни чем не бывало гоняли в футбол и дурачились на уроках. О своем детстве 40-х вспоминает ВЛАДИМИР ДАШКЕВИЧ.

Первое мое воспоминание о войне: мы были у бабушки — в доме напротив театра Вахтангова. И начался налет на Москву. Мы спустились в подвал дома, который был оборудован под бомбоубежище. Бомба попала в Вахтанговский театр, разрушила и его, и бабушкин дом. И нас завалило. Моего дядю убило. Когда нас раскопали, мы вышли, и я помню ночное небо и летевшие над Москвой немецкие самолеты. Вот так у меня и у многих моих сверстников начиналось детство: война, голод, как какой-то кошмар...

В 1941 году мы поехали в Ижевск в эвакуацию. Ехали в теплушках очень-очень долго. Там у нас, помню, украли узел вещей. Год я провел в Ижевске, пошел там в школу. Мы жили в одной комнате. И было нас там очень много — человек 10–12. Но в Ижевске было немного посытнее, чем в Москве. В Ижевске были хотя бы постоянно какие-то продукты — хлеб, сахар, яйца. В Москве очень сложно было достать продукты. Можно было иногда купить с рук, но очень дорого.

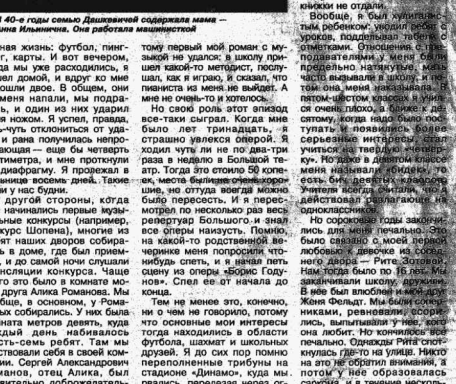
В Москве мы жили очень голодно. Однажды мама с большим трудом купила яйца. А я, вечно голодный, взял и проткнул эти яйца иголочкой, и все их выпил за один раз. Мама приходит с работы, смотрит, а яйца все пустые. Тогда она пошла в магазин и спросила: «Что же вы продаете?» А продавщица (видимо, тоже была уже научена такими историями) и говорит: «У вас есть ребенок? Ах, у вас мальчик! Вот у него и спросите, почему яйца пустые». Я помню, какое блаженство было есть тушенку или белый хлеб, изредка нам перепадавшие.

Из Ижевска мы с мамой вернулись обратно в Москву через год. Стали жить снова в своей комнате на Кропоткинской. Я стал учиться, сначала в одной школе, потом меня перевели в другую. Появились друзья. У меня был друг в первой школе — Витя Маринов. Мы с ним постоянно ездили сзади на трамвае. Было у нас такое развлечение — кататься на «колбасе» называлось. И как-то один раз я пошел в школу, а он прогулял — решил покататься на «колбасе». И вдруг сорвался и погиб. Это было мое первая встреча со смертью близкого человека. Потом я долго боялся темноты, не мог заходить в темные подъезды.

Сразу после войны начались борьба с уголовниками. Их тогда было очень много. Знаменитые московские проходные дворы закрыли, и дружба между ними прекратилась. Это очень быстро сказывалось на отношениях между людьми. Однажды (я уже тогда заканчивал школу) мы играли в футбол во дворе в Сеченовском переулке, где обычно кипела наша большая повседневная жизнь: футбол, пинг-понг, карты. И вот вечером, когда мы уже расходились, я пошел домой, и вдруг ко мне подошли двое. В общем, они на меня напали, мы подрались, и одним из них ударил меня ножом. Я успел, правда, чуть-чуть отклониться от удара, и рана получилась непроникающая — еще бы четверть сантиметра, и мне проткнули бы диафрагму. Я пролежал в больнице восемь дней. Такие были у нас будни.

С другой стороны, когда уже начинались первые музыкальные конкурсы (например, конкурс Шопена), многие из ребят наших дворов собирались в доме, где был пианино, и до самой ночи слушали трансляции конкурса. Чаще всего это было в комнате моего друга Алика Розмана. Мы вообще, в основном, у Романовых собирались. У них была комната метров девять, куда каждый день набивалось шесть-семь ребят. Там мы чувствовали себя в своей компании. Сергей Александрович Романов, отец Алика, был удивительно доброжелательным человеком. Он был детским писателем, во время войны потерял руку. К нему можно было прийти в любое время. Это давало ощущение семьи, которого мне не доставало. Потому что Сергей Александрович всегда был дома, а мой мама дома бывала очень редко — работала. У нас в доме гостей было немного, и приходили они нечасто.

Отец Владимира Дашкевича 40-е годы провел в ссылках



В 40-е годы семью Дашкевичей содержала мама — Анна Ильинична. Она работала машинисткой

Летом я ездил в пионерские лагеря. Все мое детство прошло там и во дворах. Мы очень много читали, слушали музыку, ходили в парк культуры Горького на концерты классической музыки и эстрады.

Тем не менее первое мое знакомство с музыкой ни к кому не привело. Как-то мимоходом был эпизод, когда я целый год ходил в музыкальную школу Фрунзенского района. Мама очень хотела, чтобы я стал пианистом. А у меня были совершенно уличные интересы: я играл в футбол, у нас была своя дворовая компания. Поэтому первый мой роман с музыкой не удался: в школу приходил какой-то методист, послушал, как я играю, и сказал, что пианиста из меня не выйдет. А мне не очень-то и хотелось...

Но свой роль этот визит все-таки сыграл. Когда мне было лет тринадцать, я стразаю увлекся оперой. Я ходил чуть ли не два-три раза в неделю в Большой театр. Тогда это стоило 50 копеек, места были очень хорошие, но оттуда всегда можно было пересесть. И я пересмотрел по нескольку раз всех репертуар Большого, и знал все оперы наизусть. Помню, на какой-то родственной вечеринке меня попросили что-нибудь спеть, и я начал петь сцену из оперы «Борис Годунов». Спел ее от начала до конца.

Тем не менее это, конечно, ни о чем не говорило, потому что основные мои интересы тогда находились в области футбола, шахмат и школьных друзей. Я до сих пор помню переполненные трибуны на стадионе «Динамо», куда мы рвались, перелезая через ограды. В то же время я получил первый разряд по шахматам. Я постоянно ездил на стадион юных пионеров, где была очень большая шахматная организация. Когда мне было 16 лет, я уже работал шахматным демонстратором — показывал на большой шахматной доске ходы участников — на 19-м первенстве Советского Союза. Очень хорошо помню всех шахматных корифеев — Котова, Смыслова, Бронштейна. Чемпионом тогда был Керес. Но в то же время я был совершенно уличным ребенком.

Отец в 40-е годы ходил в ссылках. Как только появлялась возможность, приезжал к нам и в Москву, и в Ижевск, в Воркуту, в Норильск. Тогда. А когда мама без меня жила у него в ссылке, я в это время обитал в Москве у своей тети отца, тем я помню разницу в воспитании детей в высоких и простых семьях (у отца была дворянская семья, у мамы — простая, нередко еврейская семья). С одной стороны, дворянское воспитание было очень полезно для меня, с другой — оно очень строгое и несколько ограничивающее. В отличие от маминого семейства, где была более теплая атмосфера. Но отцовское воспитание очень помогали мне развиваться. От отца шли письма, где он указывал мне, что нужно читать и смотреть. Эти письма сильно на меня действовали.

В 1949 году отец приехал в Москву. Мы думали, что насовсем. Но оказалось — нет. Тогда был такой знаменитый крючок: когда кончались сроки у многих репрессированных, как так бы вызывали из ссылок, давали возможность устроиться на работу, но не в Москве. Отец тогда устроился в заведение под названием гостехконтора в Ашхабаде. А потом вдруг его вызвали обратно в Москву, как многим другим, дали еще дополнительный срок, и так опять устроили обмен. Мне было 16 лет, я очень хорошо помнил. Они забрали мои записные книжки. Я потребовал, чтобы их вернули, и мне сказали: «Ах ты, волчонок!» Книжки не отдали.

Вообще, я был хулиганистым ребенком: прогуливал уроков, подделывал табель с отметками. Отношения с преподавателями у меня были довольно натянутые, меня часто вызывали в школу, и тем они меня наказывали. В пятом-шестом классах я учился очень плохо. Но в седьмом, когда надо было поступать в техникум, появились более серьезные интересы, и я начал учиться на твердую четверку». Но уже в девятом классе меня называли «бобрем», то есть, «бобром-отличником». Учителя всегда считали, что я действовал «разлагающе на одноклассников».

Но сороковые годы закончились для меня печально. Это было связано с моей первой любовью — девочкой из соседнего двора — Ритой Зотовой. Нам тогда было по 16 лет. Мы заканчивали школу, дружили. В нее был влюблен и мой друг Женя Фельдт. Мы были соперниками, ревновали, ссорились, выясняли у нее, кого она любит. Но кончилось все печально. Однажды Рита куда-то пропала, куда-то на улице. Никто на это не обратил внимания, а потом у нее образовалась саркома, и в течение нескольких месяцев она умерла. Это была первая жестокость судьбы по отношению ко мне.

Тем не менее, юность есть юность. И мальчишеские годы в Москве были полны самых разных впечатлений. Москва 40-х годов воспитывала нас жестко, но очень многогранно.

Записала ИРИНА ШКАРИКОВА

Москва стоит на семи холмах, а высоток могло быть восемь

Во время Великой Отечественной войны столице в отличие от других советских городов пострадала мало. У архитекторов не было необходимости (или возможности) возводить город заново. Возвращение к сталинскому генеральному плану реконструкции Москвы 1935 года было более чем логично. Но и в него были внесены изменения, воплощением которых стали знаменитые высотки — новые архитектурные доминанты Москвы.

В первые же недели войны в Москве была создана система противовоздушной обороны, и лишь немногим немецким самолетам удавалось прорваться через кольцо зениток и сбросить бомбы на город. По ночам в городе запрещалось зажигать свет, на окнах появились черные шторы. Но несмотря на такие меры предосторожности, от бомбежек пострадали такие памятники архитектуры, как Книжная палата, расположенная на улице Чайковского, здание Театра имени Вахтангова на Арбате и Большой театр. Но и эти здания не были разрушены полностью. В Большом театре, к примеру, в нескольких местах была значительно повреждена крыша, но ее удалось восстановить в течение года.

Естественно, никаких новых зданий во время войны в Москве не возводили. Продолжалось лишь строительство двух новых линий метро, станции которого служили в качестве бомбоубежищ. Военные подумывали о том, чтобы использовать в качестве аэродрома Садовое кольцо — размеры позволяли. А вокруг столицы в радиусе 15–20 километров москвичи копали противотанковые рвы и окопы. Городской оборонительный рубеж проходил около окружной железной дороги — здесь стояли противотанковые ежи.

Вот как вспоминает о событиях тех дней коренная москвичка Мария Плоцыдзе: «Рано утром во дворе Трехпрудной мануфактуры, в которой я тогда работала, собирались москвичи. Многие приходили добровольно. Не грузовики ехали на горы. Там каждый получал лопату или тяпку и начинал рыть. Окопы глубиной до двух-трех метров были вырыты голыми руками москвичей — рукавица на всех не хватало. Иногда здесь же, в грузовиках, и ночевали».

Сразу после окончания войны власти взялись за архитектурный облик столицы: было принято постановление о возведении высотных зданий. «Высотки не были оригинальным изобретением советских архитекторов,— считает архитектор Кирилл Анисимов — Они во многом дублируют американские небоскребы, так называемый чикагский шкаф. Построенные здания не всегда удачны. На мой взгляд, недопустимо было строить всего в нескольких стах метров от административного здания на Красных воротах гостиницу «Ленинградская». Если в столице всего-то семь высоток, почему две из них находятся буквально в двух шагах? Тем не менее все архитекторы — авторы высоток получили сталинские премии. Высотные здания стали ориентирами, которые доминируют в московском пейзаже. Москва всегда была низкорослой, и когда-то роль доминант играли колокольни церквей. Но за годы советской реконструкции здания выросли. Понадобились новые доминанты, и они были заданы».

Вначале предполагалось, что столицу украсят восемь высотных зданий. Но проект высотки на набережной около Кремля (сейчас на этом месте находится гостиница «Россия») так и не был осуществлен. Строительство этого здания, сводившего на нет величественность Кремля, постоянно откладывалось. После смерти Сталина и выхода постановления об архитектурных излишествах о восьмой высотке забыли.

В 1948 году началось строительство здания МИДа на Смоленской площади. МИД был единственной высоткой, в первоначальном проекте которой не было башни. Она появилась только через год после того, как здание было сдано. О причине возникновения башни архитекторы рассказывают любопытный анекдот.

Возвращаясь в столицу с малой дачи, Сталин проезжал по Смоленской площади. «А почему на МИДе нет башенки?» — спросил он у своего секретаря Поскребышева. Вопрос остался без ответа. Однако на следующий день после этого разговора Поскребышев вызвал авторов проекта — Гельфрейха и Минкуса — и объяснил, что им стоит немедленно построить башню. Естественно, не прошло и года, как это было сделано.

По Москве ходили слухи, что сделана она из картона. Однако это не более чем легенда: за прошедшие 43 года бывшее МИДа не перестраивалось. Кстати, сам Сталин никогда больше не интересовался жизнью зданием.

У жилого здания на Котельнической набережной своя история. На этом месте уже стоял дом работников НКВД. Сносить его не рискнули, лишь достроили новые корпуса и верхние этажи.

Наверняка не все нынешние жильцы высотки у станции метро «Баррикадная» знают, что первоначально архитекторы предлагали встроить в здание лифты таким образом, чтобы жильцы могли отсюда попасть прямо в залы магазинов, расположенных на первом этаже. Но это, конечно, так же как и идея строительства фонтанов в сквере, была отвергнута во время обсуждения проекта в Кремле.

На Воробьевых горах был возведен целый комплекс зданий для Московского университета — по принципу американских кампусов. Причем место для его строительства было выбрано совсем не случайно. «И в архитектуре есть такое понятие, как «роза ветров»,— рассказывает архитектор Сергей Телятников.— Считается, что ветры приходят в Москву именно с юго-запада. Соответственно, это и есть самый чистый район столицы. Заботясь о здоровье молодых ученых, решено было построить университет именно здесь».

Архитектурный проект университета утверждал, понятное дело, лично Сталин. Но не только проект: он утверждал и мебель, которая должна была стоять в комнатах студентов.

Однако преподаватели университета не спешили в отстроенные хоромы. Хорошо, что все лаборатории были полны самых разных впечатлений. Москва 40-х годов воспитывала нас жестко, но очень многогранно.

Записала ИРИНА ШКАРИКОВА

Так должна была выглядеть восьмая высотка

Однажды, в торжественный «Украинск» строился и главный вестибюль столицы. Именно так назывались в официальных документах гостиница «Ленинградская». После завершения отделочных работ стало очевидно, что вестибюль гостиницы выполнен в старорусском стиле, а семь гостиниц напоминают шатровую церковь в Коломенском. Об этом не преминули написать иностранные журналисты. Разразился скандал — авторов проекта обвинили в возрождении «языческих» мотивов.